

Культъ инау у племени айну.

(Предварительное сообщеніе въ Русскомъ Антропологическомъ Обществѣ 13 мая).

Айну,—маленькое угасающее племя, нѣкогда занимавшее весь Японскій архипелагъ и нынѣ, послѣ постепеннаго вытѣсненія японцами, сохранившееся въ количествѣ, не превышающемъ двухъ десятковъ тысячъ душъ, на островахъ Езо, Сахалинѣ и Курилахъ,—представляютъ одну изъ самыхъ таинственныхъ и интересныхъ этническихъ индивидуальностей, какія только знаетъ этнографія.

Подобно другимъ «окраиннымъ» народамъ, какъ эскимосы, патагонцы, готтентоты, гиляки, чукчи, юкагиры, енисейскіе остяки, представляющимъ собою какъ бы окаменѣлыя остатки отошедшихъ еще въ доисторическое время расъ и культуръ, айну на крайнемъ Востокѣ Азіи стоятъ совершенно особнякомъ не только отъ великихъ расъ материка Азіи, но и отъ близкихъ имъ по загадочности и изолированности племенъ палеазиатскихъ; прежде всего по своему физическому типу: единственное волосатое племя среди монголоидовъ, они въ теченіе почти столѣтія представляютъ предметъ спора между антропологами, и тѣмъ не менѣе вопросъ объ ихъ расовомъ происхожденіи остается и понынѣ такъ же теменъ, какъ и во времена Головина.

Ихъ языкъ стоитъ совершенно изолированно среди сонмовъ языковъ Азіи.

Хотя имѣются уже словари, опыты грамматики и фольклорныя записи, идиомъ айну съ такой же безуспѣшностью пытались до настоящаго времени связать съ тѣми или другими лингвистическими группами, какъ и ихъ соматическую разновидность съ извѣстными группами этническими. Самая разработка этого языка, впрочемъ, ждетъ еще своего научнаго мастера.

Менѣе другихъ особенностей этого племени обращалъ на себя вниманіе ихъ замѣчательный семейно-родовой строй съ самыми

примитивными чертами матернитета, которыя, какъ я могъ убѣдиться изъ своихъ наблюдений, могли бы пролить массу свѣта на исторію первобытнаго брака. Безъ серіознаго обслѣдованія осталась также ихъ своеобразная и поучительная матеріальная культура и искусство (орнаментъ), которыя въ состояніи дать много цѣннаго матеріала для важныхъ этнографическихъ и этнологическихъ сближеній.

Но, быть можетъ, самое интересное въ культурѣ айну представляютъ ихъ вѣрованія и религіозные обряды. Съ одной изъ самыхъ своеобразныхъ особенностей ихъ культа, именно съ культомъ *инау*, представляющимъ собою единственное въ своемъ родѣ явленіе среди первобытныхъ религій, я и хочу васъ познакомить, имѣя на этотъ разъ въ виду не столько полное описаніе этого культа, сколько выясненіе его генезиса, — вопросъ, надъ которымъ мнѣ пришлось не мало задумываться, какъ во время моихъ личныхъ наблюдений надъ айну, такъ и впоследствии, при разработкѣ анимистическихъ коллекцій въ Музеѣ Академіи Наукъ. Но прежде два слова о религіи айну вообще.

I.

Въ основныхъ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ айну очень близко стоятъ къ такъ называемымъ шаманистскимъ религіямъ первобытныхъ народовъ Сибири, особенно ихъ непосредственныхъ сосѣдей-гиляковъ.

Анимисты по своему міровоззрѣнію, они не знаютъ нашего дуализма между органической и неорганической, живой и мертвой природой. Для нихъ, наоборотъ, все существующее, всѣ объекты и явленія, не только живыя, одушевленные существа, но и одаренныя полной индивидуальностью, неумирающей душою, разумомъ и волей. Въ своемъ монизмѣ они идутъ еще дальше: все существующее антропоморфно. Подъ многообразіемъ формъ скрывается одно и то же по своей природѣ существо—человѣкъ. Они, правда, въ этомъ отношеніи, не достигли той законченности, до которой дошли, напримѣръ, гиляки, но такова преобладающая тенденція ихъ философіи. Такимъ образомъ, если мы желаемъ проникнуть въ тайны религіозной психики айну, мы должны совершенно отрѣшиться отъ нашихъ обычныхъ воззрѣній на окружающее. Мы должны примириться съ такими, наприм., представленіями, что дерево, гора, утесъ—живыя разумныя существа, слушающія, понимающія, движущіяся, дѣйствующія, что самое маленькое животное, въ родѣ лягушки, можетъ быть страшно

разумнымъ существомъ, разумнѣе даже человѣка, что человѣкъ можетъ родиться отъ дерева (такова, наприм., легенда о происхожденіи самихъ айну) и вступать въ браки даже съ такими существами, какъ камбала, что срубленное дерево можетъ воскреснуть, если воткнуть въ пень маленькую заструженную палочку, что даже предметы, сдѣланные человѣкомъ, какъ котель, копье, ножъ, лодка и т. д., имѣютъ душу и могутъ слѣдовать за человѣкомъ на тотъ свѣтъ...

При такой монистической психологіи божественнымъ въ природѣ долженъ казаться человѣку всякій объектъ внѣшней природы, всякое явленіе, которые чѣмъ-либо поражаютъ его воображеніе и проявляютъ свойства, которыхъ онъ лишентъ самъ, или которыя превосходятъ его собственныя.

Таинственный утесъ, похожій на звѣря, временами издающій трескъ и роняющій громадныя глыбы, способныя раздавить человѣка, метущееся море, ревущее, какъ звѣрь и потомъ улегающее, какъ человѣкъ во время сна, громъ, грохочущій и рубящій деревья въ лѣсу, гигантскій китъ, плюющій фонтанами, медвѣдь, страшилище лѣса и т. п. грандіозныя явленія природы или поразительныя существа, а съ другой стороны самые обыкновенныя предметы, какой-нибудь тюлень, жаба, моллюскъ, необыкновеннаго вида камешекъ, даже часы европейца — все это объекты божественныя, все это на языкѣ айну носить названіе *камуй*.

Камуемз можетъ быть даже и человѣкъ, если только онъ чѣмъ нибудь выдается среди своихъ ближнихъ — храбростью, краснорѣчіемъ, удачливостью и т. д. Но не всѣ *камуй* составляютъ предметъ культа.

Пантеонъ айну почти исключительно зоологическій. Нѣтъ звѣря, особенно изъ крупныхъ, какъ медвѣдь, китъ, касатка, моржъ, сивучъ, тюлень, даже соболь, выдра и т. д., котораго онъ не величалъ бы именемъ *камуй*. Звѣрь и камуй — синонимы. Въ противоположность гяляку, ороку и др. инородцамъ Приамурскаго края, различающимъ просто звѣря отъ богозвѣря, т. е. бога-человѣка, облекшагося въ образъ того или другого звѣря, айну видитъ еще *камуй* въ каждомъ звѣрѣ, какъ *таковомз*. Но, подобно гяляку, собственно сознательный культъ (въ видѣ жертвоприношенія, молитвъ) онъ оказываетъ не звѣрю вообще, а «хозяевамъ» каждой породы или стихіи, которые въ свою очередь, тоже называются *камуй* (въ значеніи «хозяинъ»), съ прибавленіемъ названія той или другой области природы, напримѣръ, *нубури-камуй* — хозяинъ горы,

атуи-камуи — хозяинъ моря, *той-камуи* — хозяинъ подземнаго міра, *чунъ-камуи* — хозяинъ солнца и т. д.

Главнѣйшіе боги, отъ которыхъ зависитъ благополучіе айну — «хозяева» горы и моря, доставляющіе ему главные предметы его пропитанія — звѣрей, рыбу, морскихъ животныхъ.

Это чисто зоологическіе боги: первый изъ нихъ — «хозяинъ» медвѣдя: съ одной стороны это человекъ, съ другой настоящій медвѣдь, только необыкновенно крупныхъ размѣровъ; всѣ остальные медвѣди — его единоплеменники.

Хозяинъ моря — косатка (*Orca Gladiator*), тотъ самый ужасный хищникъ, передъ которымъ дрожатъ титаны моря — киты, и въ смертельномъ страхѣ бѣгутъ всѣ морскія животныя, спѣша на острогу благодарнаго айну. Удивительный культъ этого звѣря, равно какъ и культъ медвѣдя, я подробно описалъ въ своей статьѣ о религіи гиляковъ *) и на нихъ поэтому теперь останавливаться не буду, несмотря на большія различія въ деталяхъ ритуала, напр., медвѣжьяго праздника и др. обрядовъ.

Чужеплеменнымъ (японскимъ) божествомъ, хотя и играющимъ у айну теперь (впрочемъ, больше на словахъ) едва ли не первенствующую роль, нужно признать «хозяина солнца» — *чунъ-камуи*, который, по нынѣшнимъ воззрѣніямъ, самое большое божество, распоряжающееся всѣми другими богами. Въ дѣйствительности, онъ мало имѣетъ отношенія къ повседневной жизни. Его ассоціируютъ, естественно, съ хозяиномъ родового огня, играющимъ дѣйствительно большую роль.

Кромѣ главныхъ *камуюв*, есть цѣлый рядъ и другихъ, второстепенныхъ: камуи *родовые*, какъ хозяинъ юрты (тисе камуи), бабушка огня и др. герои-предки, наконецъ, безчисленные «хозяева» отдѣльныхъ рѣчекъ, роцъ, долинь, горъ, утесовъ и т. д. Все это добрые, благодѣтельные *камуй*, отъ которыхъ зависитъ все благополучіе человека: это его кормильцы и хранители, оберегатели отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

Но есть и такія существа, которыя спеціально заняты тѣмъ, чтобы постоянно всячески вредить айну, приносить болѣзни и даже смерть. Этимъ существамъ, которыхъ онъ даже не удостоиваетъ обыкновенно названія «камуй», онъ не оказываетъ никакого культа: для нихъ нѣтъ ни жертвъ, ни молитвъ, ни даже простого шетета, съ ними айну находитъ возможнымъ только *бороться*. Тайны этого сво-

*) «Этногр. обозр.» 1904 г., № 2.

его рода военнаго искусства знаютъ шаманы, такуса-айну, которые играютъ у нихъ такую же роль, какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, хотя, впрочемъ, никакимъ особымъ почетомъ и вліяніемъ они не пользуются. За то по отношенію къ добрымъ божествамъ айну поистинѣ набожны. Имъ возносятся долгія и краснорѣчивыя молитвы, съ ними айну дѣлятся своими лучшими яствами и напитками и, наконецъ, для нихъ они устанавливають вездѣ, гдѣ только возможно, тѣ безчисленные и разнообразныя по формамъ и размѣрамъ и столь своеобразныя по виду предметы, которые носятъ у нихъ названіе *инау*.

Эти то странныя и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе характерныя объекты культа айну и составляютъ предметъ настоящаго доклада.

II.

Инау бывають самыхъ различныхъ видовъ и назначеній. Самый обыкновенный типъ—палочка, искусно заструженная въ различныхъ мѣстахъ въ видѣ кудряшекъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и формъ (ср. таб. I, рис. 1—4). Обычный матеріалъ—тальникъ, рѣже ольха, рябина, смотря по назначенію. Обыкновенно палочка предварительно очищается отъ коры и грубо обстругивается ножомъ, но бываетъ, что кора оставляется и только спереди обнажается средняя часть (таб. I, рис. 1). Технические приемы работы самыя примитивныя. Орудіе—простой, короткій ножъ, нѣсколько выгнутый въ лезвіи (кривой), которымъ работающій быстро ведетъ по деревяшкѣ по направленію къ себѣ, придерживая одинъ конецъ рукой, а другимъ упирая въ грудь.

Всматриваясь въ палочку-инау, легко замѣтить, что она представляетъ примитивно выраженную человѣческую фигуру. Верхняя часть всегда отдѣлана въ видѣ головки. На средней части обыкновенно имѣются зарубки, расположенныя всегда въ известномъ порядкѣ и въ опредѣленномъ количествѣ, смотря по виду и назначенію инау: такъ, на фигурахъ 3 и 4, таб. I по три зарубки, одна нѣсколько выше средней выструганной части, другія двѣ всегда ниже этой послѣдней; на фиг. 2, таб. I четыре зарубки въ рядъ; на другихъ ихъ бываетъ по 7 и болѣе. У нѣкоторыхъ остаются съ обѣихъ сторонъ симметрично расположенныя сучки въ видѣ рукъ, которыя чаще всего сгибаются въ кругъ (инау огню, солнцу, фиг. 3, таб. I). И, дѣйствительно, сами айну различають въ инау части тѣла: голову, макушку, шею, волосы; далѣе, брови,

глаза, ротъ, губы, или только ротъ, пупокъ и половой органъ (всѣ послѣдніе — въ видѣ зарубокъ); наконецъ, руки и ноги (нижняя часть).

На нѣкоторыхъ (такъ называемыхъ нинькари) инау (рис. 3, таб. I) мы находимъ даже сережки (нинькари) изъ стружекъ: это означаетъ, что фигура — женская. На рис. 1, таб. II мы видимъ двѣ фигуры на одномъ сучкѣ, одну съ сережками, женскую, другую безъ таковыхъ, мужскую...

Но инау-деревяшки только *одна* изъ формъ: всѣ *наружныя* инау, такъ называемыя сойта инау, т. е. ставимыя внѣ дома, обыкновенно бываютъ въ видѣ высокихъ *шестовъ* и даже цѣлыхъ *деревьевъ*, то оголенныхъ отъ коры, то въ корѣ, но съ вырѣзами, и всегда заструженные или обвязанныя кудряшками.

Часто они представляютъ довольно сложныя фигуры. Такъ, напр. чуф-камуи инау (инау хозяину солнца) — представляетъ цѣльную елочку въ корѣ съ руками, согнутыми въ кругъ (символъ солнца) посерединѣ, 3-ми обычными горизонтальными надрѣзами въ средней части (ротъ, пупокъ, половой органъ), 2-мя парами косыхъ надрѣзовъ по обѣимъ сторонамъ рукъ, 7-ю спиральными вырѣзами въ корѣ вдоль ствола, и наставной заструженной головкой съ семью плетеными косичками на кронѣ (ср. фиг. 3, таб. I, являющуюся упрощеннымъ типомъ этого инау для домашнего очага).

Палочки-инау часто простыя миниатюры этихъ круныхъ инау-деревьевъ, которыя, благодаря своимъ размѣрамъ и непортативности, не вездѣ съ одинаковымъ удобствомъ могутъ найти себѣ примѣненіе.

Далѣе, инау дѣлаются либо одиночныя, либо групповыя. Послѣднія называются *нуса* (японск. терм.) или *инаучина* и, смотря по назначенію, состояются изъ того или другого количества фигуръ, то мужа и жены, то цѣлой семьи, то хозяина съ помощниками. Цѣлый лѣсъ изъ подобныхъ инау-чина устривается въ видѣ полукружія на аренѣ медвѣжьяго праздника. Но перечисленными формами не ограничиваются виды инау.

Названіе инау примѣняется не только къ фигурнымъ палочкамъ, шестамъ и деревьямъ, извѣстнымъ образомъ заструженнымъ, но и къ самимъ стружкамъ (если онѣ и безъ черенка и не представляютъ никакой фигуры) и даже къ издѣліямъ изъ стружекъ, если только онѣ имѣютъ отношеніе къ культу. Такъ, инау называются стружки, которымъ повязываютъ голову во время торжественныхъ пиршествъ; то же названіе носятъ плетенныя изъ стру-

жекъ украшенія, надѣваемыя на голову медвѣдя во время праздника (рис. 2, таб. II); далѣе, цѣлый рядъ всевозможныхъ видовъ стружечныхъ лѣчебныхъ налобниковъ и повязокъ (рис. 5 и 6, таб. II). Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ сдѣланы сплошь изъ обыкновенныхъ матерій, но обшиты шнурками, сплетенными изъ тонкихъ настружинъ, и потому тоже носятъ эпитетъ инау.

Изъ этого достаточно явствуетъ, что *стружки*—самый существенный признакъ инау, и это необходимо особенно запомнить для уясненія смысла этой своеобразной принадлежности культа.

Инау играютъ огромную роль въ жизни айну. Вся его обстановка, все его окружающее, вся его дѣятельность заполнена инау.

Зайдите въ его домъ: въ очагѣ водружено *унти инау*—И. «хозяйкѣ» огня (рис. 3, таб. I), въ углу—махровое *тисе камуѣ инау*—инау «хозяйину» дома, родоначальнику; оградѣ очага посвящено особое *инумпа-инау*; у дверей—*ана сят ун инау*; надъ нарами, то тутъ, то тамъ—цѣлебныя инау. Снаружи дома, съ восточной стороны высатся цѣлыя *нуса* изъ высокихъ шестовъ и деревьевъ, передъ которыми домохозяйинъ ежедневно провозноситъ свои долгія молитвы. А далѣе, куда ни повернешься, на горѣ, на берегу моря, рѣчкѣ, въ лѣсу, на дорогахъ, перевалахъ, на кладбищахъ и т. д.—всюду самыхъ различныхъ формъ большія инау, то хозяйину горы (рис. 2, таб. I), то солнца (рис. 3, таб. I), то моря, то рѣчкѣ, то предку, то киту, выдрѣ, медвѣдю, тюленю и т. д.

Это все инау *постоянныя*, которыя ставятся регулярно въ определенное время и въ определенномъ мѣстѣ. Ихъ периодически, разъ въ годъ или еще чаще, обновляютъ, а старыя бережно складываются въ особые амбары.

Но еще болѣе многочисленны инау, которыя дѣлаются по тому или другому случаю. Послѣ каждой удачной охоты, напр., дѣлаются инау тому или другому божеству, а кромѣ того головы убитыхъ звѣрей или ихъ деревянные изображенія (рис. 4, таб. II) украшаются инау. Заболѣлъ человекъ, выздоровѣлъ, отправился въ путешествіе, вернулся и т. д.—каждый разъ новое инау. Систематизированный каталогъ инау составилъ бы цѣлый трактатъ. Достаточно для иллюстраціи упомянуть нѣсколько названій инау на удачу, вродѣ *сурукку инау* (инау яду стрѣль), *цукасъ саба инау* (птичьихъ головъ И.), *серемах манка тусу инау* (И. прадѣду, могучему шаману), *ци ретте инау* (И. эрекции), *инау рекутумбѣ* (И.—цѣлебное ожерелье); *ну ван кусу ан пиннэ инау* (мужское И. противъ крика отъ боли) и т. п., чтобы представить себѣ все разнообразіе

ихъ примѣненія. Безъ преувеличенія можно сказать, что значительная часть жизни айну уходитъ на изготовленіе инау, и требуется пройти весь долгій путь годовъ, чтобы къ концу только достигъ полнаго знанія этой таинственной науки. За то айну поражаютъ изумительнымъ искусствомъ въ изготовленіи инау.

Не успѣлъ человѣкъ ваяться за свой кривой ножикъ, какъ уже изъ подъ маленькаго клинка вылетаютъ цѣлыми босмами самыя замысловатыя кудряшки, то тонкихъ и нѣжныхъ, какъ пухъ, то длинныхъ и грубыхъ, какъ звѣриная шерсть; еще нѣсколько движеній, и готова сложная фигура. Конечно, большія инау-деревья съ ихъ спиральными выкройками, наставными головками и т. д. (см. выше) требуютъ болѣе продолжительнаго времени, и можно себѣ представить, сколько труда затрачивается для изготовленія цѣлаго лѣса инау для медвѣжьяго праздника!..

Этотъ своеобразный культъ отъ айновъ распространился по сосѣднимъ народамъ Приамурскаго края—гилякамъ, орокамъ, гольдамъ, орочамъ, но нигдѣ болѣе, насколько намъ извѣстно, онъ не констатированъ. У камчадаловъ, по описанію Крашенинникова, встрѣчается аналогичное явленіе; роль стружекъ здѣсь играютъ волокна травы, осоки. «Расчесанной травой,—разсказываетъ намъ Несторъ русской этнографіи, — болвановъ своихъ обвязываютъ вмѣсто ошейниковъ, и вѣнкомъ головы свои обвязываютъ въ праздники. Когда убьютъ звѣря или приносятъ въ жертву, то за мясо звѣрью даютъ травяной вѣнокъ. То же дѣлывали надъ головами всѣхъ неприятелей: накладывали на нихъ травяные вѣнки и, поворожа, втыкали головы на колья. Сія трава у камчадаловъ называется егей и іимт» *). Очевидно, этотъ обычай мало имѣетъ общаго съ инау, во 1-хъ потому, что въ немъ отсутствуетъ самое существенное—элементъ стружекъ, во 2-хъ, у айну никакихъ идоловъ не имѣется, и инау, въ противоположность травѣ у камчадаловъ, служатъ самостоятельнымъ объектомъ культа.

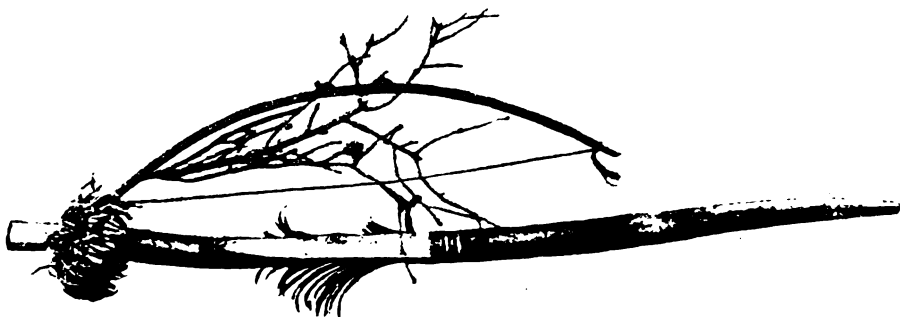
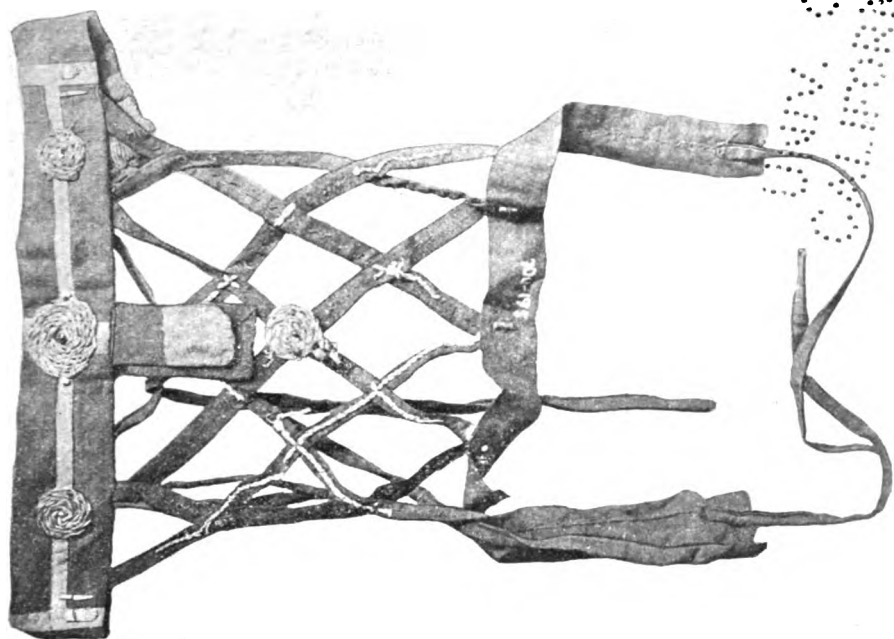
III.

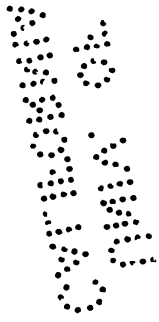
Неудивительно, что своеобразный культъ инау привлекалъ особенное вниманіе этнографовъ, и въ попыткахъ объясненія его нѣтъ недостатка, но попытки эти до сихъ поръ не привели къ общему рѣшенію. Предстоитъ выяснитъ два вопроса: каково назначе-

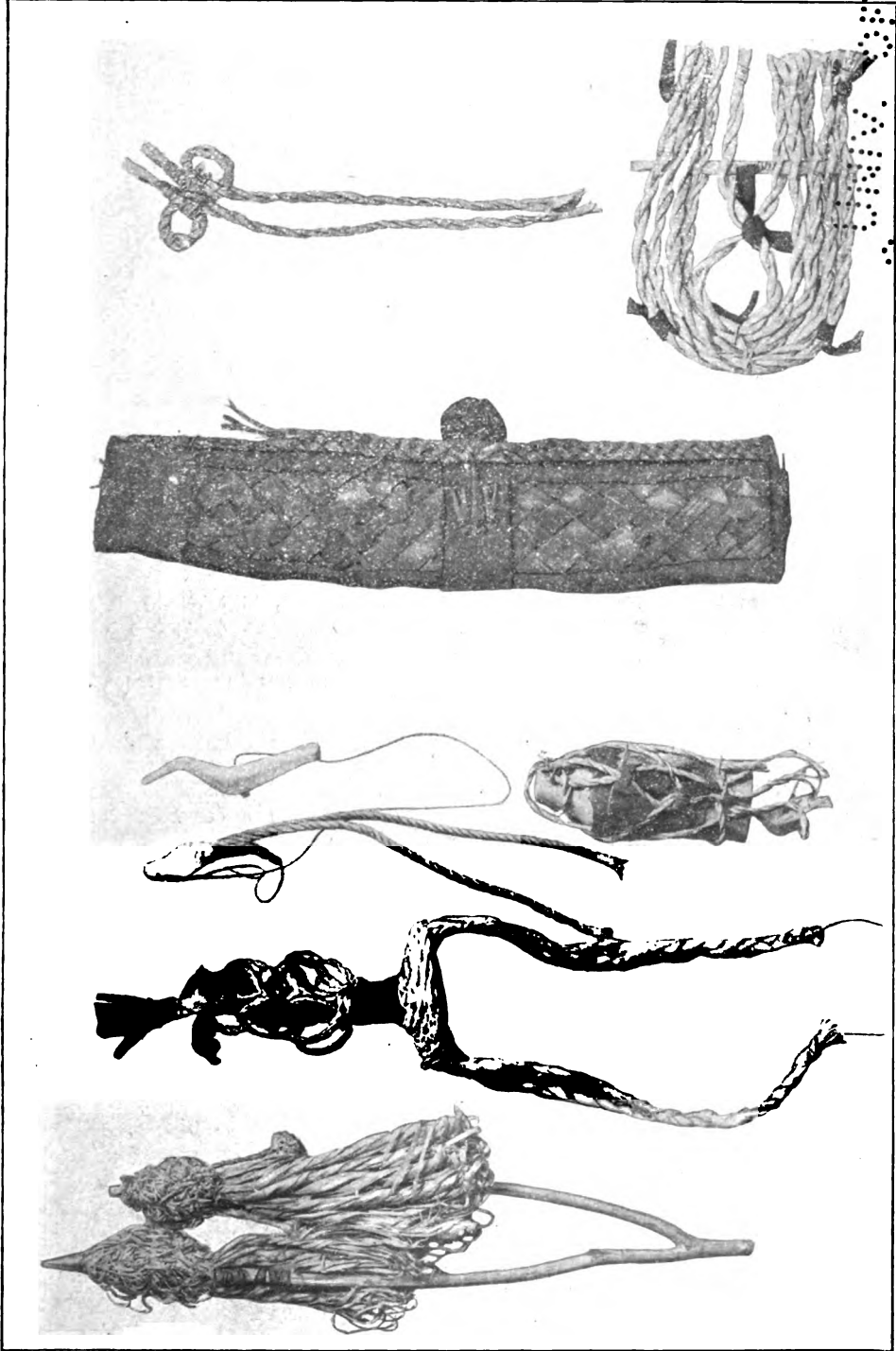
*) Крашенинниковъ. Описаніе земли Камчатки. 2 изд., стр. 331—332.

Таблица I.

1.

2.

3.

4.

7.

Таблица I.

- 1) *Инау* (безъ надрѣзокъ), ставится въ углу юрты (предку).
- 2) *Инау* (съ 4-мя надрѣзками)—хозяйну горь и лѣсовъ.
- 3) *Инау* (съ 3-мя надрѣзками и сережками)—хозяйну солнца и хозяйкѣ очага.
- 4) Цѣлебное *инау* (съ 3-мя надрѣзками) съ лучкомъ-амулетомъ.
- 5) Цѣлебный передникъ на животъ съ нашивками изъ плетеныхъ *стружекъ*, въ видѣ магическихъ кружковъ и шнуровъ.

Таблица II.

- 1) Модель *инау*, укрѣпляемаго на верхушкѣ дерева, къ которому привязывается медвѣдь, убиваемый на праздникъ. Состоитъ изъ двухъ фигуръ—мужской и женской (съ сережками).
- 2) *Инау* — наголовникъ (модель) на убиваемаго медвѣдя, плетеный изъ стружекъ.
- 3) Цѣлебное *инау* съ привязаннымъ къ нему дсревяннымъ изображеніемъ кукушки.
- 4) Изображеніе медвѣдя, повязанное плетеными стружками.
- 5) Цѣлебная налобная повязка изъ луба съ амулетами и обшивкой изъ плетеныхъ *стружекъ*.
- 6) Цѣлебное *инау* — ожерелье.
- 7) *Инау*—паушникъ медвѣдю на праздникъ.

ніе инау и откуда ихъ своеобразная форма. Одни отвѣчаютъ на оба вопроса, другіе только на первый. Извѣстный миссіонеръ Vatchelor, прожившій среди айну на о. Есо нѣсколько лѣтъ, не вдаваясь въ вопросъ о происхожденіи инау, признаетъ ихъ то «mere offerings» — просто *жертвой*, то «genuine fetiches» — настоящими *фетишами*. Г-жа Bird, долго путешествовавшая среди айну, считаетъ инау — *домашними* божествами. Это объясненіе вполне подходитъ къ такимъ видамъ, какъ *унти инау* — И. хозяйки огня, *тисе-камуи инау* — И. хозяина дома, инау на могилахъ предковъ и т. п., но уже совершенно непримѣнимо къ многочисленнымъ видамъ, ничего общаго съ домою и домашними неимѣющими, какъ упомянутыя нами инау птичьимъ головамъ, яду, отъ криковъ при боли, цѣлебнымъ повязкамъ и т. п. Кромѣ того, г-жа Bird не даетъ никакого объясненія самому генезису этого страннаго объекта культа.

Совершенно своеобразное мнѣніе высказываетъ русскій наблюдатель, д-ръ Добротворскій, жившій среди айну на Сахалинѣ въ 70-хъ годахъ и составившій словарь ихъ языка. Онъ увѣряетъ, что инау ни что иное, какъ *фигурки, замѣняющія человеческія жертвоприношенія*, которыя, по словамъ самихъ айну, будто-бы нѣкогда практиковались и даже до сихъ поръ практикуются кое-гдѣ у ихъ соплеменниковъ. По его мнѣнію, «зарубки — выраженіе раздраженія живота, коротенькія застружки, идущія отъ зарубокъ вверхъ и внизъ, выражаютъ отвороченныя вверхъ и внизъ мягкія части передней стѣнки живота... Судя по этимъ частямъ *инау, безъ сомнѣнія — остатки человеческихъ жертвоприношеній*» *). Эта гипотеза совершенно противорѣчитъ дѣйствительнымъ фактамъ. Прежде всего нужно замѣтить, что на цѣломъ рядѣ инау вовсе не имѣется никакихъ зарубокъ, напр. на рис. 1, таб. II. Далѣе, цѣлый рядъ инау состоитъ изъ однѣхъ стружекъ безъ всякаго намека на человеческую фигуру. На многихъ, имѣющихъ зарубки, какъ на фиг. 2, 3 и 4, таб. I, зарубки, по свидѣтельству айну, означаютъ части лица: брови, глаза, ротъ, носъ. Но если даже взять такія фигуры, какъ № 3 и 4, таб. I, гдѣ средняя обнаженная отъ коры часть могла бы быть истолкована, какъ животъ, то зарубки какъ разъ приходятся выше и ниже этой части и уже во всякомъ случаѣ не могутъ служить выраженіемъ вскрытія живота: въ дѣйствительности же на этихъ фигурахъ верхняя

*) М. М. Добротворскій. Айно-русскій словарь. Казань, 1875 г. Приложенія, стр. 65, также введеніе, стр. 42.

зарубка означает ротъ, нижнія двѣ — пупокъ и половой органъ; на нѣкоторыхъ инау средняя гладкая часть опредѣляется айнами даже, какъ лицо. Такимъ образомъ, гипотеза Добротворскаго падаетъ сама собою. Недоумѣніе можетъ вызвать только слѣдующее. Въ его словарѣ находимъ слово ээорнтохпа, которое онъ переводитъ — «принести въ жертву инау (*букв. изрѣзать живота*)». Если бы можно было быть увѣреннымъ, что слова, стоящія въ скобкахъ (*изрѣзать живота*), не есть чисто гипотетическое дополненіе составителя словаря, за что говорить уже то, что этимъ аргументомъ самъ авторъ не счелъ нужнымъ воспользоваться для подкрѣпленія своей гипотезы, то это было бы доводомъ, надъ которымъ стоило призадуматься. Но ни факты, которые мы привели выше, ни филологическія соображенія (какъ это мы увидимъ ниже) его не подтверждаютъ, и мы склонны думать, что, если бы словарь Добротворскаго былъ изданъ имъ лично при жизни, то указанное мнимо-буквальное толкованіе было-бы имъ выпущено. Что касается роли *заструженимыахъ* частей, то Добротворскій ихъ считаетъ то волосами, то отвороченными частями передней стѣнки живота. Относительно перваго толкованія, нужно сказать, что, дѣйствительно, *нѣкоторыя* застружины играютъ роль волосъ (инау-саба-ру — волосы головы инау), фактъ, какъ мы увидимъ, вполнѣ *вторичнаго* порядка, а второе падаетъ вмѣстѣ съ самой гипотезой объ инау, какъ о пережиткѣ вскрыванія живота. И во всякомъ случаѣ противъ обомъ толкованій приходится повторить уже ранѣе поставленный нами вопросъ: какъ примѣнить эти объясненія къ инау, не представляющимъ никакой фигуры, кромѣ стружекъ или плетенія изъ нихъ?.. Наконецъ, въ заключеніе, по поводу гипотезы г. Добротворскаго, должно сказать, что нигдѣ случаи человѣческихъ жертвоприношеній не были констатированы среди айну, и многіе изъ нихъ, при разспросахъ съ моей стороны объ этомъ, высмѣивали самое предположеніе о возможности такихъ фактовъ. Прибавимъ еще, что зарубки имѣются на идолахъ у самыхъ различныхъ народовъ (ср. хоть таковыя у самоѣдовъ), и такимъ образомъ, по теоріи Добротворскаго, пришлось бы всѣ идолы признавать остатками человѣческихъ жертвоприношеній.

Гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія соображенія по этому вопросу W. G. Aston'a *), выводящаго инау изъ японскаго культа шинто и сближающаго ихъ съ такъ назыв. gohei (жертвенныя палочки, увѣ-

*) W. G. Aston. The japanese gohei and the ainu inao, By W. G. Aston. Journal of the Antrop. Inst. of Gr. Br. and Ir. v. XXXI, 1901.

шанныя полосками цвѣтной бумаги). Въ древнѣйшее время — аргументируетъ этотъ изслѣдователь — среди обычныхъ жертвоприношеній шинтоистскаго культа особенно употребительны были ткани, пряжа, волокна текстильныхъ растений. Впослѣдствіи эти реальныя жертвы, носившія названіе *нуса*, приняли чисто фиктивную форму, замѣнившись палочками съ навѣшанными на нихъ полосками ткани или волокнами растений, а еще позже, когда вошелъ въ употребленіе хлопокъ, то и вовсе были замѣнены полосками бумаги. Вотъ эти-то палочки, увѣшанныя полосками бумажекъ и называемыя *гоhei*, по мнѣнію Астона, являются прототипами аинскихъ *инау*. Въ дальнѣйшей своей эволюціи *гоhei* (а за ними и инау) изъ объектовъ жертвоприношеній стали самостоятельными предметами поклоненія, превратившись въ чудодѣйственныя магическія существа и даже въ вмѣстилища духовъ-божествъ...

Какъ ни кажется соблазнительнымъ принятіе этой гипотезы, тѣмъ болѣе, что по формѣ своей *гоhei*, дѣйствительно, представляютъ нѣкоторое сходство съ инау и къ тому еще древнѣйшія формы *гоhei* носить названіе *нуса* *), тождественное съ аинскимъ названіемъ для группы инау (см. выше), но основанія, приводимыя авторомъ для подтвержденія своей гипотезы, весьма мало доказательны. Въ самомъ дѣлѣ, если инау не болѣе какъ японскіе *nusa* и *гоhei*, то одно изъ двухъ: либо айны, какъ и японцы, должны были тоже перейти отъ тканей и волоконъ къ *бумажкамъ*, либо — если бумажки были для нихъ почему либо недоступны — остаться при старой формѣ *nusa* (т. е. тканей или волоконъ пряжи), что было бы тѣмъ болѣе естественно, что айну знакомы съ ткацкимъ искусствомъ, и текстильный матеріалъ, въ видѣ крапивы и луба вяза, у нихъ всегда подъ руками. Мы имѣли бы тогда вмѣсто нынѣшнихъ инау — палочки съ лоскутками матерій, какъ на жертвенныхъ деревьяхъ у самоѣдовъ, или съ волокнами растений, какъ у камчадаловъ на ихъ идолахъ, увѣшанныхъ осокой, но уже никоимъ образомъ не *заструженныя* палочки.

Болѣе интереса представляютъ соображенія того же автора, ссылающагося при этомъ на 2-хъ писателей начала и конца XVIII стол., что среди обрядовыхъ предметовъ шинтоистскаго культа были такъ называемыя *kedzuri-kahe* — *полузаструженныя* палочки. Одно сохранившееся изображеніе такой палочки, дѣйствительно,

*) Въ дѣйствительности, айну имѣютъ собственный синонимъ для *nusa*: *inao shira* и, наоборотъ, японцы сами именуютъ аинскіе *nusa* терминомъ: *inao no rui* (ср. соотв. слова у Batchelor, An Ainu-english-japanese dictionary).

очень близко напоминает инау. Но этотъ фактъ говоритъ скорѣе противъ гипотезы—gohei-инау. И вотъ почему: упомянутыя kedzuri-kaке, какъ сообщаетъ самъ авторъ, употреблялись, между прочимъ, для зажиганія ихъ отъ священнаго огня храма и перенесенія ихъ молящимися въ зажженномъ видѣ домой для разведенія новогодняго огня на домашнемъ очагѣ. Для такой цѣли—а обрядъ этотъ безъ сомнѣнія очень старый—древнія нуса изъ тканей и пряжи совершенно не годились. Если это такъ, то заструженные палочки шинтоистскаго культа должны быть *первичнаго* происхожденія, и по этому ничего общаго съ gohei не имѣютъ, и самое изобрѣтеніе ихъ мы имѣемъ столько же основанія приписать айнамъ, какъ и японцамъ, и даже болѣе основанія въ пользу первыхъ, у которыхъ культъ заструженныхъ палочекъ получилъ широчайшее развитіе, а въ шинто мы знаемъ только 1—2 совершенно изолированныхъ случая.

Теперь мнѣ остается подѣлиться личными соображеніями и наблюденіями о значеніи инау и ихъ происхожденіи.

IV.

Прежде всего мнѣ важно было выяснить, какъ смотрятъ сами айну на свои инау. Это я всячески старался дѣлать во время своихъ путешествій среди сахалинскихъ айну. Нужно имъ отдать справедливость, они формулируютъ свои воззрѣнія съ ясностью и опредѣленностью, не оставляющей ожидать ничего лучшаго. Среди сахалинскихъ айну въ началѣ 90-хъ годовъ пользовался величайшимъ авторитетомъ престарѣлый старшина с. Мауко, Нисендусъ. Это былъ, дѣйствительно, очень почтенный и многоопытный старецъ, настоящій патриархъ, о которомъ его соплеменники говорили, что онъ «все равно» «камуй» (богъ). Посѣтивъ его резиденцію, чтобы провѣрить свои прежніе разспросы и наблюденія, я навѣстилъ и его. Какъ разъ во время моего прихода онъ устанавливалъ новое унти-камуй инау на своемъ очагѣ. «Объясните мнѣ, спросилъ я его,—зачѣмъ вы дѣлаете эти инау, что они такое?» — «Это, отвѣтилъ старикъ: <икой-итѣку айну *)> (посредникъ, посоль, ораторъ). Айну ему говорить, что нужно, а онъ <камую> перекажетъ. Одинъ къ хозяину огня ходитъ, другой—къ горному, еще другой къ морскому хозяину ходитъ, а они всѣ айну помогаютъ». — А какъ же палочка говорить можетъ?—Не палочка, а душа ея

*) Икойтаку-айну—букв. толкующій человѣкъ, посоль, ораторъ—терминъ, спеціально примѣняемый къ выдающимся по краснорѣчію индивидамъ, служащимъ послами и посредниками въ дѣлахъ мести, войны и мира.

ходить и пересказываетъ все «камую». Какъ-же, вѣдь дерево тоже имѣеть душу!».. Любопытно, какъ родственны между собою психологиче斯基 необразованныхъ людей безъ различія національностей и культуры. Случайно присутствовавшій въ юртѣ русскій крестьянинъ, мѣстный старожиль, не удержался отъ вмѣшательства въ разговоръ и сказалъ: «Они (т. е. айну) тоже черезъ святыхъ угодниковъ своему богу молятся; что у насъ иконы, то у нихъ инау!»... Нисендусъ формулировалъ только то, что мнѣ пришлось и до того наблюдать и слышать вездѣ среди айну, а еще раньше среди гиликовъ. Инау, такимъ образомъ, не божество, и не жертва, а живой посредникъ между богами и человѣкомъ, «деревянный человѣкъ», который обладаетъ способностью передавать богамъ быстро и краснорѣчиво потребности человѣка.

Эпитетъ «камуи», которымъ такъ щедро надѣляетъ айну лютого звѣря, даже многихъ изъ своихъ единоплеменниковъ, никогда не примѣняется къ инау. Къ нимъ относятся, какъ къ вещамъ—табу, но отнюдь не какъ къ божествамъ. Передъ ними молятся—особенно усердно ежедневно передъ *нуса* за восточнымъ окномъ возносятъ свои долги молитвы старѣйшины дома,—но эти молитвы направляются по адресу не инау, а соответствующихъ божествъ. Передъ инау возливаютъ жертвенное саки, на нихъ иногда навѣшиваютъ разныя мелочи (доскутки матеріи, эфесы сабель, серьги и т. п.), но все это жертвы, которыя инау, или правильнѣе, души ихъ, должны отнести соответствующимъ богамъ.

Для понятія «жертва» имѣется особый терминъ «иноми», обозначающій всякія яства, напитки, табакъ, матеріи, цѣнности, подносимыя богамъ, но никоимъ образомъ не инау. Да и понятно, инау, какъ посредники, нужны человѣку, но не божествамъ. Что въ дальнѣйшей эволюціи инау могутъ представляться цѣнными объектами и для самихъ камуевъ, это мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, но не въ этомъ ихъ основное значеніе.

Не смотря на свою скромную роль посредниковъ, инау въ глазахъ айну имѣютъ огромное значеніе, ибо безъ нихъ ни одна молитва не была-бы услышана, ни одна нужда не была бы удовлетворена, и жизнь была бы невозможна. *Inao sak gugu*—человѣкъ безъ инау—послѣдній человѣкъ (Бачлеръ).

Чтобы представить себѣ всю важность инау въ глазахъ айну, нужно видѣть, какое значеніе имъ придается въ моменты грозной опасности. Много разъ намъ приходилось плавать съ айну на ихъ утлыхъ долбежкахъ по бурному Охотскому морю, и не разъ гроз-

ныя волны суроваго моря готовы были потопить насъ въ бушующей пучинѣ. Но никогда наши спутники, даже въ самые критическіе моменты, не теряли присутствія духа. Почуявъ опасность, айну-рулевой доставалъ заранѣе припасенную палочку и начиналъ ее быстро заструживать, и когда фигура была готова, онъ бросалъ ее въ волны съ наказомъ: «иди къ хозяину моря и скажи, чтобы онъ хорошенько посмотрѣлъ: хорошо-ли будетъ, если мы и этотъ русскій господинъ погибнемъ, и камуи смотрѣть не будетъ?» И мои спутники съ полнымъ правомъ могли потомъ вспоминать, какъ ихъ самихъ и ихъ русскаго спутника спасали краснорѣчивыя инау!

Итакъ, обычное инау — «*деревянный человекъ*», ораторъ, посолъ, душа котораго исполняетъ порученія къ богамъ. Представляетъ-ли подобная идея что либо исключительное въ этнографическомъ смыслѣ? Нисколько!..

У обскихъ остяковъ, удаленныхъ отъ айну на много тысячъ верстъ и никогда не вступавшихъ съ ними ни въ какія общенія, мы находимъ до поразительности тождественное воззрѣніе на посредническую роль дерева между божествами и человѣкомъ.

Еще недавно намъ сообщалъ въ засѣданіи Географическаго Общества г. Дувинъ-Гаркавичъ, какъ однажды при немъ остякъ, передъ тѣмъ, какъ отправиться на охоту, срубилъ верхушку дерева, облекъ ее въ тряпицы и бросилъ въ рѣку, въ качествѣ «ангела», идущаго съ порученіемъ къ хозяину воды *). Развѣ это не то же инау, только съ вѣтками и хвоеми, вмѣсто стружекъ? Есть, впрочемъ, и у айну инау въ видѣ цѣльныхъ деревьевъ, въ которыхъ стружки вовсе не фигурируютъ.

Но такъ называемые «деревянные люди», героическіе исполнители самыхъ трудныхъ порученій своихъ повелителей, широко распространены въ эпосѣ (и, слѣд., повѣрьяхъ) самыхъ различныхъ народовъ. Какъ на очень характерный примѣръ, укажемъ на «деревянныхъ людей» въ извѣстномъ сборникѣ Simhasanavâtrimsikâ («Сборн. рассказовъ о 32 фигурахъ на престолѣ»), гдѣ они фигурируютъ даже на тронахъ царей, и въ различныхъ другихъ вариацияхъ индійскаго эпоса, въ которыхъ они являются авторами самыхъ чудесныхъ дѣяній. Изъ Индіи эти «деревянные люди» перекочевали къномадамъ Средней Азіи и совершенно самостоятельно фигурируютъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ Сибири. Въ эпосѣ гяляковъ они самые обычные дѣятели. Нѣтъ подвига, на который не были бы способны эти грубыя созданія рукъ человѣческихъ. Въ одной изъ записан-

*) См. St. Pet. Ztg. № 121, 1903 г. Отчетъ о засѣд. Георг. Общ.

ныхъ мною гяляцкихъ поэмъ одинокій герой, послѣдній изъ погибшаго на войнахъ рода, рѣшившись предпринять мечь по отношенію къ своимъ врагамъ, первымъ дѣломъ срубилъ лиственницу, нарѣзаль нѣсколько чурокъ, обтесаль ихъ и сказалъ: «эй вы, деревянные люди, на войну ступайте!» И каждому распредѣлил районъ дѣйствій. Черезъ нѣкоторое время воинственные послы явились съ докладомъ объ успѣшно исполненномъ порученіи. Герой имъ даже не сказалъ спасибо: и неудивительно, иногда онъ ихъ просто навываетъ *рабами*. Что они имѣютъ душу, это нисколько не повышаетъ ихъ достоинства: все имѣетъ душу—и камень, и дерево, и котель, и старый черепокъ. Это не мѣшаетъ гялякамъ, какъ и айну, относиться и къ дереву съ поклоненіемъ. Съ какой наивной вѣрой айну относится къ живой природѣ дерева, хорошо иллюстрируетъ тотъ сообщенный нами выше фактъ, что, срубивъ дерево, онъ благоговѣнно втыкаетъ душу-творящее инау, благодаря которому душа дерева снова должна возродиться. Насколько онъ антропоморфируетъ дерево, достаточно вспомнить, что самое свое происхожденіе онъ производитъ отъ дерева (елки). Для айну всякое дерево есть таки настоящій человекъ: видимое дерево только оболочка, жилище этого таинственного человека. Какъ и люди, деревья живутъ родами и имѣютъ хозяина—нубури камуй (горный хозяинъ). Къ отдѣльнымъ деревьямъ, почему-либо особенно импонирующимъ ему, либо необыкновеннымъ видомъ своимъ, либо возрастомъ, либо размѣрами, айну относится даже, какъ къ божеству, одаривая ихъ жертвами (лоскутками матеріи, стрѣлами и т. п.). При такомъ отношеніи къ дереву, психологія, создавая «деревяннаго человека» для порученій къ богамъ, представляется какъ нельзя болѣе естественной.

Остается теперь выяснитъ, какую роль играютъ *стружки* въ инау?

Почему именно «заструженность» является ихъ обязательнымъ элементомъ?

Отвѣтъ, я полагаю, лежитъ въ тѣхъ представленіяхъ, которыя у айну ассоціируются во время процесса струженія. Ему часто приходится заструживать деревяшки, иногда по нѣсколько разъ въ день, всякій разъ, когда ему необходимо развести огонь на открытомъ воздухѣ, подъ дождемъ, на вѣтру, которые такъ обычны на его суровой родинѣ. Его, анимиста, вѣрющаго въ одушевленность и даже человеконподобность дерева, сокъ котораго онъ считаетъ кровью, вѣтки — руками, шопоть листьевъ — рѣчью, его не

могутъ не поражать своей таинственной многозначительностью тѣ длинные, причудливо извивающіеся остроконечные языки дерева, которые съ такой быстротой вылетаютъ изъ подъ его кривого ножа, съ тѣмъ, чтобы съ такой же быстротой, какъ живыя, снова свернуться въ затѣйливыя кудряшки! Всякій, знакомый съ психикой анимиста, легко пойметъ, къ какимъ выводамъ приходится первобытный человѣкъ въ такихъ случаяхъ. Эти подобія языка не просто подобія, а *настоящіе языки*, способные говорить, убѣждать. Что они могущественны, видно ему изъ того, какъ быстро рождается изъ нихъ священное пламя огня. Какъ могущественна же должна быть ихъ рѣчь, когда они заговаряютъ своими сонмами языковъ! У человѣка только одинъ—единственный языкъ, и то какъ властно дѣйствуетъ его краснорѣчіе! И, далѣе, ассоціируя эти языки съ *огнемъ*, который, благодаря своему *многоязычю* (см. ниже), не только у айну и гиляковъ, но и у индо-европейскихъ народовъ (ср. роль агни въ Ригъ-ведахъ), является посредникомъ между людьми и божествами, какъ легко было дойти до идеи, что заструженная многоязычная палочка—наилучшій, вездѣ и всякому доступный ораторъ-посредникъ между человѣкомъ и богами! Какой человѣкъ, даже самый краснорѣчивый, можетъ сравниться съ этой маленькой палочкой, обладающей сотнями языковъ! И айну, какъ мы видѣли, именно такъ и смотреть, называя свое инау икойтаку айну (ораторомъ-человѣкомъ). Такъ его называетъ и гилякъ: хлай-нивухъ (синонимъ айнскаго термина, букв.: толкующій человѣкъ). Что кудряшки на инау именно *языки* оратора и что въ послѣднихъ именно заключается и весь смыслъ инау, подтверждаетъ, позволяю себѣ думать, и самая этимологія слова инау. Начальное *и* въ этомъ словѣ—обычная въ айнскомъ языкѣ плеонастическая частица, (напр. *іномі* = *номі*—жертва), такъ что коренное слово собственно—*нау*, а это послѣднее образовалось изъ *ні* (дерево) + *ау* (языкъ), такъ что *инау* означаетъ: *языкъ дерева*, что какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ представленіемъ айну объ инау, какъ объ ораторѣ, и съ нашей гипотезой, что стружки являются языками этого оратора.

Эта своеобразная идея *языковъ* дерева—оратора опять таки не представляетъ ничего исключительнаго въ сравнительной этнографіи. Совершенно тождественныя идеи въ самыхъ различныхъ мѣстахъ земли и у самыхъ различныхъ народовъ существуютъ, на примѣръ, по отношенію къ *огню* въ связи съ шумнымъ *многоязычьемъ* его пламени. Возьмемъ хотя бы представленія объ агни (богъ огня) въ Ведахъ. «Богъ Агни (*Agni—h*), т. е., богъ огня (именно

не огонь, но его «душа»: «богъ» — то, что живетъ въ огнѣ человеческой жизнью) — является *посредникомъ* между людьми и остальными богами; онъ заступникъ, *посланникъ, герольдъ, жрецъ*. Его питаютъ молокомъ, масломъ, хмельными напитками. Онъ *рычитъ*, какъ быкъ. Своими языками онъ окружаетъ жертву, онъ лижетъ ее. *Своими огненными языками онъ призываетъ боговъ. Нужно его питать, чтобы у него было больше языковъ и сильнѣе голосъ и чтобы черезъ это онъ былъ больше красноречивъ.* Онъ производитъ шумъ и черезъ это обращаетъ вниманіе другихъ боговъ на совершающееся во время жертвоприношенія. Онъ специальный богъ жертвоприношеній. На алтарѣ жертвоприношенія подымаются и идутъ къ небесамъ огненные *языки*, съ которыми вмѣстѣ уносятся и молитвы благочестивыхъ жертвователей, жрецовъ и праведниковъ *)». И таковы возрѣнія самыхъ различныхъ народовъ на многоязычье огня и его ораторскія функціи.

О черемисахъ, напр., сообщаетъ намъ С. К. Кузнецовъ, что остатки жертвъ отдаются «длинноязычному огню, который вплоть до самаго Чумбулата (самому высокому богу) *говорить* можетъ»!.. Этихъ примѣровъ, намъ думается, совершенно достаточно, чтобы нашу гипотезу объ инау внести въ общій кругъ первобытнаго анимистическаго и религіознаго творчества. Но она входитъ еще болѣе тѣсно въ особый кругъ анимистическихъ представленій, въ основѣ которыхъ лежитъ идея *одушевленія и обоготворенія отдѣльныхъ органовъ тѣла*. Какъ это недавно стало все болѣе и болѣе выясняться, на ряду съ вѣрой въ существованіе душъ — дубликатовъ *всего* тѣла, первобытный человекъ полагаетъ, что и каждый отдѣльный органъ тѣла имѣетъ свою самостоятельную душу, благодаря которой органъ функционируетъ совершенно независимо отъ *общей* души. Первобытный опытъ доставляетъ ему множество убѣдительныхъ доказательствъ этому. Развѣ не очевидно, что, когда у человека отнимается нога, въ то время, какъ весь остальной организмъ продолжаетъ функционировать правильно, то это значитъ, что у отнявшейся ноги существовала своя самостоятельная душа, съ уходомъ которой она перестала дѣйствовать? Развѣ не то же самое происходитъ, когда у человека, по виду совершенно здороваго, нормальные на видъ глаза перестаютъ различать предметы, или мягкій, красный и гибкій языкъ вдругъ перестаетъ произносить звуки? Развѣ совершенно здоровый чело-

*) Эта мастерская характеристика Агни принадлежитъ извѣстному лингвисту проф. Водузнъ де Куртене, любезно сдѣлавшему ее, по моей просьбѣ, въ письмѣ ко мнѣ отъ 7/II 1905 г.

вѣкъ не лишается разсудка и развѣ это не доказываетъ, что *партикулярная душа головы* отошла, въ то время какъ *общая* душа и души остальныхъ органовъ продолжаютъ оставаться на своихъ мѣстахъ? Развѣ зубы, ногти, волосы не растутъ и не выпадаютъ совершенно самостоятельно отъ общей души организма и, слѣдовательно, имѣютъ, каждое, свои самостоятельныя души?

Во всѣхъ такихъ явленіяхъ первобытный человѣкъ видитъ одну причину — существованіе партикулярныхъ душъ отдѣльныхъ органовъ тѣла, которыя одушевляютъ ихъ не только въ періодъ связанности съ организмомъ, но даже въ раздѣльномъ отъ нихъ состояніи. Каждый отдѣльный органъ тѣла съ его партикулярной душой представляется ему настоящимъ живымъ индивидомъ, такимъ же разумнымъ, имѣющимъ волю и дѣйствующимъ, какъ и весь организмъ. Отсюда цѣлый рядъ ничѣмъ инымъ необъяснимыхъ явленій культа, какъ поклоненіе зубамъ, ногтямъ, волосамъ (легенда Самсона), перьямъ, костямъ и т. д., симпатическіе цѣлебные амулеты въ видѣ большихъ органовъ тѣла (носовъ, зубовъ, ногъ, рукъ), католическіе вотивы (серебряные носы, сердца, легкія, руки и т. д.), уврашающіе Лурдъ и тысячи другихъ святилищъ католическихъ странъ. Изъ всѣхъ органовъ тѣла особенное изумленіе и обоготвореніе всегда вызывали два, а именно *фаллосъ*, этотъ могучій чудодѣй—творецъ жизни, и *языкъ*, какъ органъ слова и краснорѣчія. О возвращеніи на фаллосъ, какъ на живой *индивидъ*, могущій творить чудеса и совершенно самостоятельно отъ тѣла, равно какъ о генезисѣ этого удивительнаго возвращенія, я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ *). Что касается *языка*, то одухотвореніе и обоготвореніе его такъ же совершенно естественно. Никакая способность такъ не поражаетъ первобытнаго человѣка, какъ краснорѣчіе. Вѣра его въ убѣдительность краснорѣчія безгранична. Онъ не связываетъ рѣчи съ центрально-мозговой дѣятельностью. Языкъ — совершенно самостоятельное могучее существо, добровольно связавшее себя съ тѣломъ, но могучее и само по себѣ. То, что извлекаетъ изъ красной мякоти языка мудрость и краснорѣчіе, то не самъ языкъ (тѣло), а тотъ божественный духъ (душа), который въ немъ обитаетъ. По убѣжденію гиляковъ и айновъ, на кончикѣ языка пѣвца и рассказчика сидитъ особый благодѣтельный духъ, сила котораго такъ велика, что, когда онъ его покидаетъ, человѣкъ умираетъ. Духъ

*) См. ст. автора, «Фаллическій культъ», (Энциклопедія Брокгауза и Ефрона, т. XXXV, стр. 267).

языка—особое самостоятельное божественное существо. Но этотъ духъ присущъ не только языку человѣка, но и дерева. И если могучъ одинъ языкъ, то какова должна быть сила множества языковъ заструженного дерева! Та же логика, которая надѣлила боговъ брахманизма и буддизма множествомъ рукъ, головъ и т. д., внушаетъ ороческому шаману воздвигать на священныхъ деревьяхъ букеты гигантскихъ фаллосовъ.

Такимъ образомъ мы еще разъ, какъ и раньше въ вопросѣ о «деревянномъ человѣкѣ», приходимъ къ тому, что наши инау, не смотря на все своеобразіе своей формы, представляютъ явленіе, психологически совершенно совпадающее съ цѣлымъ рядомъ подобныхъ же явленій анимистическаго цикла и у другихъ народовъ, и не нуждающееся въ такихъ исключительныхъ и ватянутыхъ объясненіяхъ, какъ упомянутыя нами гипотезы Добротворскаго, Астона и др.

Резюмируемъ: инау—заструженные деревья и деревяшки, въ видѣ человѣческихъ фигуръ, служащія заступниками за людей передъ божествами; сила ихъ—въ многочисленныхъ *языкахъ*-кудряшкахъ, въ необычайной степени увеличивающихъ убѣдительность ихъ рѣчей. Нынѣшнее разнообразіе ихъ формъ и назначенія—результатъ долгой эволюціи. Вначалѣ, вѣроятно, довольствовались пучкомъ стружекъ, держащихся на одномъ короткомъ стержнѣ, на подобіе заструживаемой для разведенія огня палки.

Съ теченіемъ времени стали оказывать больше вниманія самому стержню (тѣлу посредника), стали надѣлять его зарубками, головкой, руками, а стружки располагать, какъ дополненія къ фигурѣ, въ видѣ волосъ, косъ, растительности на тѣлѣ и т. д. Съ другой стороны получили самостоятельное развитіе и самое разнообразное примѣненіе *стружки сами по себѣ* отдѣльно безъ стержня. Это произошло подъ вліяніемъ эволюціи въ самомъ отношеніи къ инау.

Вначалѣ простые «языки» передъ богами, инау, въ силу важности ихъ роли, въ силу привычки относиться къ нимъ, какъ къ необходимому во всѣхъ случаяхъ предмету культа, приобрѣли *самостоятельное* значеніе святости и божественности. Имъ стали приписывать самостоятельную чудодѣйственную силу. Отсюда съ одной стороны стали смотрѣть на инау не только, какъ на заступниковъ передъ богами, но и какъ на предметы, угодные и полезные *самимъ богамъ*. Такъ, на медвѣжьемъ праздникѣ, заструженные деревья передъ ареной предназначаются частью самому медвѣдю, частью его матери, очевидно, какъ простые амулеты для этихъ божественныхъ

существовъ. Боги такъ же нуждаются въ нихъ, какъ и люди. Сосѣди айновъ, ороки, когда дѣлаютъ цѣлебное изображеніе тигро-человѣка. прикрѣпляютъ ему на груди такое же миниатюрное изображеніе, какъ его собственный амулетъ.

Съ другой стороны, инау стали обычными амулетами и для людей. Первое примѣненіе изъ нихъ стали дѣлать въ случаяхъ болѣзни. Больныя части тѣла, особенно голову, стали обвязывать стружками (стержень въ такихъ случаяхъ, мѣшалъ примѣненію). Эволюціонуя, этотъ способъ лѣченія создалъ цѣлую фармакологию изъ повязокъ, налобниковъ, поясовъ, въ которыхъ стружки фигурируютъ въ формѣ самыхъ разнообразныхъ плетеній (шнурковъ, кружечковъ и т. п.), въ соединеніи со всякими другими амулетами, въ родѣ бисеринъ, деревянныхъ изображеній разныхъ органовъ тѣла и т. д. (см. рис. 5, таб. I и 3, 5 и 6 таб. II). Для усиленія дѣйствія стали, кромѣ того стружечнымъ плетеніямъ придавать магическія формы круговъ (солнца) и т. п. цѣлесообразныхъ изображеній. Еще шагъ, и цѣлебныя повязки съ ихъ хитрыми плетеніями изъ стружекъ вошли въ повседневный кругъ одежды и украшеній.

Поучительно прослѣдить эту эволюцію на обрядностяхъ облаченія медвѣдя на праздниѣ.

Первоначально украшали убиваемаго медвѣдя просто стружками (рис. 7, таб. II), какъ необходимыми амулетами, точно также, какъ гилаки привязываютъ ему въ такихъ случаяхъ изображеніе самаго могучаго своего амулета, жабы. Еще и теперь головы убиваемыхъ тюленей, передъ тѣмъ, какъ бросать въ море, просто повязываютъ стружками. Но въ настоящее время скромныя стружки на головѣ медвѣдя превратились въ цѣлый комплексъ головныхъ украшеній, налобниковъ, наушниковъ, сережекъ и т. п., изящно сплетенныхъ изъ стружекъ.

Л. Штернбергъ.